

ПАПОИЛОВ В. С.

ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ ВЬЕТНАМСКОГО СИНТАКСИСА

Задача настоящей статьи — построение непротиворечивой системы основных исходных понятий вьетнамского синтаксиса. При этом в ряде случаев оказывается неизбежным привлечение к рассмотрению и критический анализ некоторых положений, выработанных в отечественном языкознании, в частности — в русистике.

Не все положения, разработанные на вьетнамском материале, могут претендовать на общелингвистическую значимость, а представленная ниже система понятий не является, конечно, единственно возможной. Следует, однако, сознавать, что фактор системности с неизбежностью означает, что те или иные конкретные положения данной работы в полной мере действительны лишь в общем контексте всего изложения. Взятые изолированно, они могут дать повод к недоразумениям.

1. Типы связи. Аналитическая форма слова и словосочетание¹.

Синтаксис начинается там, где происходит соединение двух слов, так что синтаксическое исследование должно предваряться рассмотрением возможных типов связи между словами. Это представляется вполне очевидным применительно к сочетаниям знаменательных слов друг с другом, однако во вьетнамском языке служебные слова являются единственным средством выражения частных грамматических категорий (число существительного, время глагола) и одним из средств выражения синтаксических отношений, так что сочетания соответствующих служебных слов со словами знаменательными также должны получить синтаксическое истолкование.

Условимся считать, что само по себе наличие грамматической связи между двумя (в минимальном варианте) словами доказывается возможностью самостоятельного употребления данного сочетания, в частности — возможностью использовать его в качестве эллиптического варианта более сложной конструкции. Пользуясь этим операциональным определением, легко показать, что, например, в последовательности $\text{đi}^1 \text{vo}'^5 \text{anh}^1$ «идти с тобой» имеется грамматическая связь между словом đi^1 «идти» и остальной частью сочетания в целом; наличествует грамматическая связь и между элементами сочетания $\text{vo}'^5 \text{anh}^1$ «с тобой», однако последовательность слов $\text{đi}^1 \text{vo}'^5$ «идти с», как не способная к самостоятельному употреблению, никакой грамматической связи не содержит.

Принятое определение позволяет также отграничить грамматическую связь от связи чисто семантической, не входящей в сферу грамматического анализа. Рассмотрим пример: $\text{tôi}^1 \text{khuyên}^1 \text{anh}^1 \text{nghi}^4$ «Я советую тебе отдохнуть». Эта конструкция может иметь следующие эллиптические варианты: $\text{tôi}^1 \text{khuyên}^1$ «я советую», $\text{khuyên}^1 \text{anh}^1$ «советую тебе», $\text{khuyên}^1 \text{nghi}^4$ «советую отдохнуть»; однако ни в каком контексте ее нельзя свести к виду $\text{anh}^1 \text{nghi}^4$ «ты отдыхаешь», хотя семантическая связь между этими словами очевидна. Выходит, что в рамках рассматриваемой конструкции слово anh^1 «ты» не имеет грамматической связи со словом nghi^4 «отдыхать».

¹ В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный; 2 — верхний нисходящий (∖); 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (∩); 4 — вопросительный (?); 5 — восходящий напряженный (∕); 6 — тяжелый (·).

Промежуточное положение между семантической и грамматической связью занимает связь потенциальная. Потенциальная связь — это семантическая связь, которая с помощью процедуры трансформации может быть реализована как связь грамматическая. Например, потенциальная связь существует между словами *tôi¹* «я» и *đầu²* «голова» в высказывании *tôi¹ như³ c⁵ đầu²* «У меня болит голова», поскольку последнее может быть трансформировано в высказывание *đầu² tôi¹ như³ c⁵ lắm⁵* «Моя голова очень болит».

Грамматическая связь между двумя словами может быть чисто формальной (квзисинтаксической) или формально-семантической (синтаксической). Первая имеет место в сочетаниях знаменательных слов со служебными, вторая — в сочетаниях знаменательных слов между собой. Каждая из этих связей может оцениваться по двум признакам: а) по внутренней организации сочетания, безотносительно к более сложному целому; б) по отношению к более сложному целому (принцип репрезентации), каковым для квзисинтаксической связи является словосочетание, а для связи синтаксической — предложение.

Оцениваемая по признаку внутренней организации, квзисинтаксическая связь может быть ненаправленной и направленной. В первом случае ни, один из компонентов сочетания не может быть заменен вопросительным словом, так что направление связи не выявляется достаточно убедительным способом; примером может служить сочетание *ngẫm³ đến⁵* «думать о...» (предлог в данном случае имеет грамматическую связь именно с глаголом, ср. англ. think about). Во втором случае направление связи идет от служебного слова к знаменательному, т. е. служебное слово является формально господствующим: *vo¹ i⁵ anh¹* «с тобой» (*vo¹ i⁵ ai¹?* «с кем?»), *se³ đi¹* «пойду» (*se³ như¹ thế⁵ nào²?* «буду что делать?» — букв.: «буду как?»). При несколько расширительном понимании управления можно считать, что служебное слово управляет знаменательным в том смысле, что требует присутствия последнего. Однако формально подчиненный компонент, т. е. знаменательное слово, в составе квзисинтаксических сочетаний не приобретает в дополнение к своему лексическому значению еще какого-либо, обусловленного связью с подчиняющим элементом, значения. Ср. сочетания *đi¹ lu²* «ехать на осле», *đi¹ tru¹ o² ng²* «ехать в институт», где зависимые компоненты, помимо своих лексических значений, имеют еще значения средства передвижения и конечного пункта движения соответственно.

Служебные слова в составе квзисинтаксических сочетаний являются элементами аналитической формы слова, которая может быть морфологической, синтаксической, коммуникативной. Первая представляет собой сочетание морфологического служебного слова со словом знаменательным и выражает значение, имманентно присущее знаменательному слову как представителю некоторого грамматического класса. Таково число существительных (*sinh¹ viên¹* «студент» → *như³ sinh¹ viên¹* «студенты»), время глагола (*đi¹* «идти» → *se³ đi¹* «пойду») и т. д. Синтаксическая форма слова, которую можно, вслед за некоторыми авторами, именовать для краткости синтаксемой [11], является во вьетнамском языке сочетанием синтаксического служебного слова со словом знаменательным. Это сочетание обусловлено синтаксической функцией знаменательного слова, его связью с другими словами в составе предложения. Например, в сочетании *vo¹ i⁵ anh¹* «с тобой» предлог *vo¹ i⁵* «с» создает синтаксическую форму слова *anh¹* «ты». Синтаксема *vo¹ i⁵ anh¹* «с тобой» имеет значение совместности и характеризуется способностью выступать в не-подлежащих функциях. Наконец, коммуникативная форма слова — это сочетание знаменательного слова со служебным, уточняющим семантические связи данного конкретного высказывания с контекстом и пресуппозицией. Во вьетнамском языке к числу подобных служебных слов относятся в первую очередь выделяемые частицы: *sa⁴ tôi¹ cũng³ không¹ hiểu⁴* «Даже я не понимаю»; *chính⁵ tôi¹ cũng³ không¹ hiểu⁴* «Именно я не понимаю».

Морфологические, синтаксические, коммуникативные служебные слова как относящиеся к различным ипостасям знаменательного слова не

исключают друг друга, но вполне могут обслуживать знаменательное слово одновременно: *chinh⁵ vo'i⁵ nhu'ng³ sinh¹ viê¹ ây⁵* «именно с этими студентами».

В составе словосочетания аналитическая форма слова всегда занимает одну синтаксическую позицию, т. е. вся в целом выступает как компонент, связанный тем или иным видом формально-семантической (синтаксической) связи с другим знаменательным словом. Однако в плане репрезентации синтаксема существенно отличается от остальных разновидностей аналитической формы слова. Синтаксема входит в состав словосочетания как единое целое, не сводимое ни к одному из своих компонентов. Формально это проявляется в том, что в составе словосочетания ни одно из составляющих синтаксем не может быть опущено. Например, в словосочетании *đi¹ vo'i⁵ anh¹* «идти с тобой» нельзя опустить ни предлог *vo'i⁵* «с», ни слово *anh¹* «ты». Таким образом, ни один из компонентов синтаксемы не является ее репрезентантом в составе словосочетания. Что же касается морфологической и коммуникативной формы слова, то их репрезентантом в составе словосочетания является знаменательный компонент, что находит формальное выражение в возможности опустить служебное слово: *(nhu'ng³) sinh¹ viê¹ mo'i⁵* «новые студенты» (*nhu'ng³* — показатель мн. числа). Как видим, в морфологической и коммуникативной форме слова чисто формальная связь (если связь направленная) идет от служебного слова к знаменательному, тогда как в составе более сложного синтаксического целого господствующим является как раз знаменательный компонент. Это противоречие между результатами «внутренней» и «репрезентирующей» оценки составляет, пожалуй, самое существенное формальное отличие данных типов аналитической формы слова от атрибутивных словосочетаний.

Как уже говорилось, формально-семантическая (синтаксическая) связь имеет место между знаменательными словами. В этом случае формальная связь сопровождается появлением у подчиненного компонента некоторого синтаксического значения, характеризующего слово в его отношении к подчиняющему слову: субъект, объект, инструмент, место действия и т. д.

В связи с изложенным представляется нецелесообразным расширять традиционное значение термина «словосочетание», распространяя его так же и на сочетания знаменательных слов со служебными, как это предлагают некоторые авторы, явно не без влияния внутренней формы данного термина [8]. Думается, однако, что внутренняя форма слова и его терминологическое значение — вещи разные. Поскольку сочетания знаменательных слов со служебными, с одной стороны, и сочетания знаменательных слов между собой, с другой, являются реализациями принципиально различных типов грамматической связи, есть смысл разграничить эти сочетания и терминологически, обозначив первые как аналитическую форму слова и сохранив за вторыми традиционный термин «словосочетание» [ср. 13].

II. Типы словосочетаний. Члены словосочетания: подлежащее, дополнение, определение.

В современной лингвистике принято разграничение предложения как единицы языка и высказывания как реализации предложения в речи. Некоторые исследователи предлагают проводить такое же разграничение и в отношении свободных словосочетаний [12]. При таком подходе снимается альтернатива, которую, в частности, Е. В. Падучева формулирует следующим образом: являются ли словосочетанием слова, расположенные в предложении рядом, или же члены словосочетания могут быть в предложении разделены другими словами? [15]. Помня, что термин «предложение» Е. В. Падучева употребляет в том же смысле, в каком мы употребляем термин «высказывание», можно дать следующий ответ на предложенную альтернативу. Как явление языка, словосочетание — это модель, схема соединения двух знаменательных слов безотносительно к их конкретному лексическому значению и линейному расположению. Реализа-

ция этой схемы в речи, в составе высказывания, предполагает, в частности, определенную линейную упорядоченность элементов схемы с той или иной степенью свободы их взаиморасположения, не исключая и возможности разединения другими словами.

Рассмотрим под углом зрения развиваемых в данной статье положений еще две альтернативы, формулируемые Е. В. Падучевой относительно словосочетаний:

1) Является ли словосочетание синтаксически связанной группой слов некоторого предложения или же словосочетание существует безотносительно к предложению? [15]. Эта альтернатива затрагивает скорее гносеологическую, чем онтологическую сторону дела. При направлении анализа от меньших единиц к большим, при постановке вопроса, каков тот минимум, с которого начинается синтаксис, словосочетание (если даже не аналитическая форма слова) является исходной единицей, анализ которой до известных пределов может проводиться безотносительно к предложению. При движении от большего к меньшему, при анализе текста исходной единицей является высказывание, в основе которого, в частности, может лежать синтаксическая схема предложения. В таком случае словосочетание является синтаксически связанной группой слов в предложении, и выделение словосочетаний есть способ экспликации наличествующих в данном предложении синтаксических связей.

2) Является ли словосочетание синтаксически связанной группой из любого числа слов или же группой из двух слов? [15]. Если исходить из того, что словосочетание есть реализация синтаксической связи, то объектом анализа должны быть бинарные словосочетания как реализующие одну синтаксическую связь. Имея синтаксические связи, допустим, с двумя словами, слово тем самым входит в состав двух словосочетаний.

Словосочетания подразделяются на сочинительные и подчинительные. При изолированном рассмотрении сочинительного словосочетания ни один из его компонентов не может быть охарактеризован синтаксически. Например, в словосочетании $tôl^1 va^2 anh^1$ «я и ты» синтаксема $va^2 anh^1$ «и ты» содержит синтаксическое служебное слово, позволяющее усмотреть только то, что при употреблении словосочетания в составе более сложного синтаксического образования данная синтаксема будет выступать в той же синтаксической функции, что и слово $tôl^1$ «я» (напомним, что в соответствии с исходными положениями настоящей работы между $tôl^1$ «я» и va^2 «и» связь отсутствует).

Считается, что в рамках подчинительного словосочетания, без выхода за его пределы «подчиняющий элемент не проявляет своей синтаксической роли, тогда как подчиненный раскрывает свою синтаксическую функцию» [2]. Это верно, но лишь постольку, поскольку речь идет о грамматически однозначных словосочетаниях. Между тем на материале вьетнамского языка нетрудно показать, что в сфере подчинительных словосочетаний достаточно представлены различные типы грамматической омонимии, снятие которой возможно лишь с выходом за пределы словосочетания. Наиболее типичный случай — когда каждый из компонентов словосочетания может претендовать на роль подчиняющего. Примером может служить словосочетание $ăn^1 ngon^1$ букв. «есть — вкусный»: $tôl^1 ăn^1 (ngon^1)$ «Я ем (с аппетитом)», но $chuôl^5 pay^2 (ăn^1) ngon^1$ «Этот банан вкусный (для еды)» — ср. однозначное словосочетание $ăn^1 châm^6$ «есть медленно». К этому же типу относится омонимия атрибутивных и предикативных словосочетаний, которая будет подробно рассмотрена ниже в связи с вопросом о предложении. Несколько иной случай — грамматическая омонимия подчиненных компонентов словосочетания: $gu'i^4 con^1 (bu'c^5 thu'^1)$ «послать сыну (письмо)», но $gu'i^4 con^1 (va^2 nha^2 tre^4)$ «послать сына (в детский сад)» [25] — ср. однозначное словосочетание $gu'i^4 thu'^1$ «послать письмо».

Отвлекаясь от случаев грамматической омонимии, можно сказать, что внутренний анализ подчинительного словосочетания, без выхода за его пределы, дает возможность установить синтаксическую функцию подчиненного компонента, тогда как синтаксическая функция компонента господствующего устанавливается, в соответствии с признаком репрезен-

тации, только в составе предложения. Так, в примере *đọc⁶ sách⁵* «читать книгу» слово *sách⁵* «книга» есть дополнение, а слово *đọc⁶* «читать» можно охарактеризовать только в терминах частей речи, сказав, что это глагол и в составе более сложного синтаксического образования способен выступать в любой функции, возможной для глагола.

Казалось бы, такой подход должен распространяться на все типы подчинительных словосочетаний, однако в лингвистической литературе нередко делается своеобразное исключение для словосочетаний предикативных, к а ж д о м у из компонентов которых дается синтаксическая характеристика в рамках словосочетания как такового, без выхода за его пределы. В какой-то мере эта непоследовательность объясняется отсутствием единства взглядов по вопросу о господствующем элементе предикативного словосочетания: одни считают, что таковым является подлежащее, другие — что в предикативном словосочетании имеет место взаимозависимость элементов. Обе эти точки зрения уже были подвергнуты убедительной критике [20]. Более существенная сторона вопроса состоит, видимо, в том, что предикативное словосочетание может быть основой предложения, его структурно-семантическим минимумом. Однако, во-первых, предложение может быть построено не только на базе предикативного словосочетания: *tu² nhà² đến⁵ tru¹ o'ng² hai¹ câu¹ số⁵* «От дома до института два километра»; во-вторых, глагол может выступать в предложении не только в функции сказуемого, но и в других синтаксических функциях, сохраняя при этом способность иметь зависимый компонент, связанный с глаголом предикативной связью, например: *đẻ³ nghe¹ ngu¹ o'i² la² dai⁶* «Быть легковверным — глупо» → *anh¹ đẻ³ nghe¹ ngu¹ o'i² la² dai⁶* «Ты легковверен — (это) глупо». Ср. также нижеследующий пример, в котором глаголы *đi¹* «идти», *thây⁵* «видеть» и т. д. выступают как дополнения к модальному глаголу *phai⁴* «быть должным», имея при этом каждый заполненную подлежащую позицию: *Can⁵ bẻ⁶ phai⁴ chân¹ đi¹, mắt⁵ thây⁵, tai¹ nghe¹, miệng⁶ noi⁵, tay¹ lam², óc⁵ nghi³ (Hẻ² Chi⁵ Minh¹)* «Кадровые работники должны всюду бывать, все видеть и слышать, уметь и говорить, и делать, и думать» (букв.: ... должны — ноги идут — глаза видят — уши слышат — рот говорит — руки делают — голова думает).

Из сказанного вытекает единственный вывод. Нет никаких оснований рассматривать предикативные словосочетания как обладающие особым грамматическим статусом в ряду других подчинительных словосочетаний. Подлежащее и дополнение суть парадигматически равноправные распространители глагола. Последний же как господствующий компонент предикативных словосочетаний не может быть охарактеризован синтаксически без выхода за пределы словосочетания. Сказуемым этот компонент может стать лишь в частном случае — когда предложение строится на базе предикативного словосочетания, так что господствующий компонент словосочетания автоматически становится абсолютной вершиной предложения, его синтаксической доминантой.

Подлежащее, дополнение, определение представляют собой синтаксические функции, выявляемые на уровне словосочетания, это зависимые элементы предикативных, комплетивных и атрибутивных словосочетаний. «Подлежащее» и «предикативная связь» — взаимосвязанные понятия, названия элемента отношения и типа связи соответственно. Однако к сказуемому как синтаксической доминанте предложения ни то, ни другое отношения не имеет. Понятие сказуемого связано с выходом за пределы словосочетания и должно быть установлено независимым способом, без ссылок на подлежащее и на предикативный тип связи.

Недостаточно последовательное разграничение уровня словосочетания и уровня предложения, приписывание глагольному компоненту предикативных словосочетаний функции сказуемого дорого обходятся русистике: конструктивная база предложения искусственно сужается до предикативного сочетания, и многие языковые факты, интуитивно воспринимаемые как предложения, не поддаются удовлетворительной теоретической интерпретации в качестве таковых. Создавшееся положение вещей вызывает справедливую критику, ибо для возникновения предложения

«нужны не канонизированные подлежащее и сказуемое, а значимые элементы, благодаря сочетанию которых осуществляется смысловое назначение предложения» [9]. Правда, фактический материал, приводимый в обоснование неканонизированного подхода и безусловно соответствующий интуитивному восприятию предложения [10, с. 52—53], оказывается столь разнороден в формально-грамматическом плане, что опять-таки остается открытым вопрос, каковы собственно грамматические основания для объединения столь разнородных сочетаний «значимых элементов» под рубрикой единого понятия — предложения. Иногда специально подчеркивается недопустимость отождествления подлежащего с именительным падежом [5, с. 63], необходимость распространить понятие предикативной связи на сочетания косвенных форм имени с несогласованным глаголом [5, с. 66]. Это возможный, но не лучший выход из положения, поскольку при таком подходе формальные признаки подлежащего становятся весьма неопределенными. Учитывая положения настоящей статьи, представляется более целесообразным исходить из того, что неотъемлемым элементом любого предложения является сказуемое, однако синтаксическим противником последнего вовсе не обязательно должно быть подлежащее.

Формальным признаком предикативной связи является возможность каузативной деривации словосочетания [23; 14, с. 46—47]. Предикативное словосочетание может быть поставлено после каузативного глагола или может быть, без изменения синтаксических значений составляющих, приведено к виду, допускающему такую постановку. Например, словосочетание $tô^1 \dot{d}ô^6$ «я читаю» является предикативным, так как можно сказать: $po^5 băt^5 tōi^1 \dot{d}ô^6$ «Он заставляет меня читать». Высказывание $po^{14} ho^1 gōi^2$ «Расцвели цветы» построено на базе предикативного словосочетания, поскольку можно сказать $ci^{15} dē^4 ho^1 po^{14}$ «Не мешайте цветам расцветать». Словосочетание $uēu^1 pang^2$ «любить девушку» не есть предикативное, так как его приведение к виду, допускающему каузативную деривацию ($pang^2 uēu^1$ «девушка любит») связано с изменением синтаксического значения слова $pang^2$ «девушка».

Имея достаточно надежный критерий предикативной связи, связь комплетивную можно определить отрицательно: это связь глагола с тем членом оптимального окружения, который не может быть идентифицирован как подлежащее. Комплетивная связь наличествует между элементами словосочетания $sāng^1 dāu^1$ «натягивать веревку», так как объективный актант входит в оптимальное окружение рассматриваемого глагола и словосочетание не может быть приведено к виду, допускающему каузативную деривацию.

Основной признак атрибутивных (и шире — вообще определительных) словосочетаний обычно усматривают в иррелевантности подчиненного компонента для синтаксической структуры предложения, что формально проявляется в возможности опустить определение. Это наиболее общий признак, охватывающий все разновидности определительных словосочетаний, частные признаки которых могут быть конкретизированы в зависимости от категориальной принадлежности господствующего элемента.

III. Предложение и его синтаксическая доминанта. Высказывание.

Предложение — это иерархически организованная структура, предназначенная для передачи законченной мысли. Определение предложения как структуры означает, что оно понимается как абстрактная единица языка, схема (модель) синтаксических отношений, которая может быть представлена в виде формализованной записи. Иерархичность организации предполагает, что в предложении имеется абсолютно господствующий элемент, синтаксическая доминанта, которую будем называть сказуемым. Наконец, предназначенность для передачи законченной мысли означает, что «семантика предложения (типовое значение) и его структура неразрывно и взаимообусловленно связаны» [9]. Иначе говоря, взятая

сама по себе, безотносительно к семантической характеристике, структурная схема предложения представляет собой не более чем механический конструктор, оторванный от смыслового назначения синтаксической единицы [10, с. 57]. Это малоринформативный уровень абстракции.

Сказуемое есть абсолютная вершина предложения, в грамматическом плане характеризующаяся категорией утверждения / отрицания и обозначающая признак в самом широком смысле слова. Сказуемое — это то, что утверждается и что может быть подвергнуто отрицанию в исходном варианте (модели) предложения [ср. 22]. Первая часть этой формулировки имеет целью подчеркнуть, что речь идет о возможности общего отрицания, отрицания предиктируемой части. Что же касается оговорки относительно исходного варианта предложения, то она существенна в связи с необходимостью отграничить сказуемое утверждение / отрицание от рематического.

В частном случае модель предложения может быть представлена одним словом: Вечер → Еще не вечер. Если мы не отказываем таким построениям в статусе предложения, то их односоставность следует понимать в том смысле, что предложение исчерпывается сказуемым (ср. с нечленными коммуникативно, целиком рематическими высказываниями). Модель предложения может не включать предикативной связи (по крайней мере, в том понимании, которое было дано выше): *tu¹² nha² đên⁵ tru'o' ng² (không¹ phai⁴) hai¹ câu¹sô⁵* «От дома до института (не) два километра». В последнем примере синтаксическим противоположением сказуемого является, конечно, не подлежащее, а другой элемент, для которого как будто нет подходящего наименования в существующей номенклатуре членов предложения. Как видим, модель предложения может обходиться без подлежащего, но она никак не может быть лишена сказуемого, ибо «сказуемое» и «предложение» — такие же соотносительные понятия, как «подлежащее» и «предикативная связь». Сказуемое — это, строго говоря, не член предложения, но минимальное предложение или, что то же самое, репрезентант всего предложения [17].

Член предложения представляет собой категорию функциональную, это элемент предложения, имеющий формально-семантическую связь либо со сказуемым, либо с предложением в целом. Материально член предложения может быть выражен отдельным словом, словосочетанием и даже предложением, поэтому когда говорят, что член предложения синтаксически неделим, имеют в виду именно функциональную, а не материальную сторону данного явления. При таком подходе исключается возможность двойных синтаксических связей: если материальным выражением члена предложения является слово, то оно подчинено непосредственно сказуемому; при более сложном материальном выражении сказуемому подчинен только господствующий элемент словосочетания, тогда как элементы зависимые не имеют связи со сказуемым. Иными словами, один синтаксический хозяин может иметь нескольких слуг, но у одного слуги не может быть двух хозяев. Возвращаясь к примеру *tôi¹ khuỷên¹ anh¹ nghi⁴* «Я советую тебе отдохнуть», можно сказать, что постулирование синтаксической связи между словами *anh¹* «ты» и *nghi⁴* «отдыхать», какое бы направление ей ни приписывалось, было бы нарушением сформулированного принципа.

Речевую реализацию модели предложения будем называть высказыванием. Следует только иметь в виду, что этим термином охватывается весьма широкий круг фактов, лишь часть которых представляет собой актуализацию структурной схемы предложения. В общем виде высказывание — это любая обладающая интонационной законченностью речевая единица, например, в определенной обстановке и с определенной интонацией произнесенное междометие. К числу высказываний относятся также реплики со значением согласия или несогласия, эмоциональные оценки, поведенческие единицы типа «Здравствуйте!», «Спасибо!» [3], так что вполне возможны высказывания, в основе которых не лежит иерархически организованная синтаксическая структура [21], однако в настоящей работе нас будут интересовать только те высказывания, структурным инвариантом

которых является модель предложения. В таком случае можно сказать, что предложение, реализованное в речи (высказывание), это синтаксическая схема, получившая конкретное лексическое наполнение, упорядоченная линейно, произносимая с определенной интонацией, употребляющаяся в определенном контексте и обладающая соответствующим этому контексту актуальным членением [ср. 6].

К уровню высказывания относится понятие группы того или иного члена предложения, например, группы сказуемого. Высказывания $tôî^1 đoc^6 sach^5$ «Я читаю книгу» и $sach^5 nau^2 tôî^1 đoc^6 gôî^2$ «Эту книгу я уже прочел» построены по одной и той же структурной схеме, однако в первом дополнении включено в состав группы сказуемого, тогда как во втором — выведено из нее. При анализе на уровне предложения подлежащее и дополнение суть парадигматически равноправные элементы — распространители сказуемого («актанты» в терминологии Л. Теньера, выявляющей их единый статус относительно сказуемого), но на уровне высказывания они могут оказаться неравноправны синтагматически в том смысле, что один из этих элементов может быть включен в состав группы сказуемого.

Понятие эллипсиса также относится к уровню высказывания, ибо если понимать под предложением синтаксическую модель, то неполных предложений не существует, неполной может быть только речевая реализация модели. Высказывание является неполным, если контекст позволяет его распространить, причем возможен единственный синтаксический вариант распространения [4]. В первом из приводимых ниже примеров собственное имя (Тхак) есть подлежащее, во втором — каждое из неполных высказываний представлено глаголом-сказуемым, подлежащее которого (они) и дополнение (вор) восстанавливаются из контекста: 1) — $Cai^5 gi^2? Cai^5 gi^2? Cai^5 gi^2? Ai^1 bi^6 giêt^5? — Thac^6! (Thê^5 Lu^{3})$ «— Что такое? Что такое? Что такое? Кто убит? — Тхак!», 2) $Chu^1 i^4. Kêu^1. Đâm^5. Đa^5. (Ngyuên^3 Công^1 Hoan^1)$ «Ругаются. Кричат. Бьют кулаками. Пинают ногами». Высказывание не является эллиптическим, если текстовое окружение не позволяет его распространить. Такого рода высказывание может быть, в частности, реализацией односоставного предложения, например: $Bôî^2! Xe^1! Bêp^5! Vu^5! (Ngyuên^3 Công^1 Hoan^1)$ «Мальчик! Рикша! Повар! Служанка!». Ср. военную команду $Nghi^1$ «Вольно!», букв.: «отдыхать» при невозможности восстановить оптимальное окружение этого глагола.

Наконец, к уровню высказывания относится порядок слов и актуальное членение. Вопрос об актуальном членении был нами рассмотрен в специальной работе [16]. Что же касается порядка слов, то основная проблема, которая здесь возникает — это разграничение исходного и производного словорасположения или, что то же самое, исходных и производных конструкций. Вообще предложение (в том понимании, которое было представлено выше) вполне может рассматриваться безотносительно к линейному расположению его составляющих, членов предложения. Однако поскольку речевые реализации модели связаны с различными вариантами словорасположения, есть смысл принять один из них за исходный, который на менее высоком уровне абстракции может быть приписан модели как таковой. Тогда модель в совокупности с ее допустимыми трансформациями можно определить как парадигму предложения². Выявление исходного порядка слов — это поиск «именительного падежа» в парадигме предложения.

В самом простом случае признаком производности конструкции могут служить синтаксические служебные слова при условии, что их наличие необходимо для грамматической правильности высказывания, и вместе с тем высказывание можно, без изменения синтаксических значений составляющих, трансформировать так, что необходимость в рассматриваемых служебных словах отпадет. Например, предлог cho^1 «для» в высказывании $tôî^1 đu^1 a^1 tiên^2 cho^1 anh^1$ «Я даю деньги тебе» свидетельствует о

² Исчисление позиционных трансформаций вьетнамского предложения со сказуемым — переходным глаголом см. в [14, с. 184].

его производном характере, поскольку можно сказать $tôi^1 đũa^1 anh^1 tiền^2$ «Я даю тебе деньги». Однако в высказывании $tôi^1 nghĩ^3 đến^5 anh^1$ «Я думаю о тебе» предлог $đến^5$ «о» не может использоваться для решения интересующего нас вопроса, ибо конструкцию нельзя изменить так, чтобы надобность в этом предлоге отпала. Таким образом, синтаксические служебные слова не всегда могут служить средством разграничения исходных и производных конструкций. Для решения этого вопроса в более общем виде следует рассмотреть, в чем состоит речевая реализация модели или, иначе говоря, ее актуализация.

Под актуализацией в современной лингвистике понимают «соотнесение потенциального (виртуального) знака с действительностью, состоящее в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации посредством актуализаторов» [1]. Актуализация — понятие, затрагивающее в равной мере лексику и синтаксис, поскольку соотнесение лексемы с действительностью происходит в рамках того или иного синтаксического построения.

Применительно к лексике актуализация состоит в переводе лексической единицы из словаря в текст, в связи с чем лексическая единица может приобретать некоторые семантические характеристики, которых она лишена в словаре. Такие семантические характеристики, налагающиеся на лексические и синтаксические значения, можно условиться называть значениями коммуникативными. Примером может служить детерминированность существительного — неперемное условие инверсии дополнения; ср.: $tôi^1 đọc^6 sách^5$ «Я читаю книгу», но: $sách^5 này^2 tôi^1 đọc^6 rồi^2$ «Эту книгу я уже прочел». Нескольким упрощая реальное положение вещей, можно было бы подразделить представленный в словаре лексический материал на слова, требующие актуализации при включении в текст (существительные, глаголы, прилагательные) и слова, выступающие в качестве актуализаторов (наречия, частицы, детерминативы, некоторые морфологические служебные слова). Разумеется, это очень условное подразделение, вне рамок которого остается определенная часть лексики (междометия, синтаксические служебные слова).

Условимся различать нулевую и ненулевую ступени актуализации. Первая соответствует нереперентному употреблению понятия, будь то понятие предмета или признака, вторая, ненулевая ступень — реперентному употреблению. Для существительного нулевая ступень актуализации имеет место при обозначении класса предметов, в чем и состоит внеконтекстное, словарное значение существительного ($meo^2 là^2 động^6 vật^6$ «Кошка — животное»), тогда как ненулевая ступень актуализации сводится, в сущности, к выделению предмета из класса подобных, что может иметь различные грамматические реализации: детерминированность ($con^1 meo^2 này^2 của^4 tôi^1$ «Эта кошка — моя»), пространственная локализация ($anh^4 đây^1$ «Вот снимок!»), характеристика по линии определенности / неопределенности для слушающего ($tôi^1 có^5 một^6 cuốn^5 sách^5 rất^5 hay^1$ «У меня есть одна интересная книга»).

Для предикатива нулевая ступень актуализации сводится к отсутствию финитности, т. е. к обозначению признака вне временных и количественных характеристик [7, с. 127]: $chim^1 bay^1$ «Птицы летают»; ненулевая ступень предполагает временную локализацию признака, его количественную характеристику ($chim^1 sẽ^3 bay^1$ «Птицы будут летать»; $nhà^2 cao^1 lắm^5$ «Дом очень высок»).

Применительно к синтаксической модели тоже можно говорить о нулевой и ненулевой ступени актуализации. В первом случае для реализации модели в качестве высказывания достаточно простой замены абстрактных символов конкретными лексемами, например: $S_1VS_2 \rightarrow sinh^1 viên^1 đọc^6 sách^5$ «Студенты читают книги». Во втором случае простой замены абстрактных символов конкретными лексемами оказывается явно недостаточно, поскольку необходимо передать еще и сопутствующие данной реализации коммуникативные значения, эксплицитным выражением которых и являются актуализаторы. Во вьетнамском языкознании уже был подмечен тот факт, что часто бывает достаточно всего-навсего добавить

слова вроде lăm⁵ «очень», se³ (показатель будущего времени), qua⁵ «слишком», gỏi² «уже» для того, чтобы превратить конструкцию в полноценное высказывание [24, с. 66].

При речевой реализации модели предложения используются не только актуализаторы лексики, но и актуализаторы, обслуживающие высказывание в целом. К их числу относятся, например, модальные частицы, актуализирующая роль которых возрастает пропорционально той «деформации», которой подвергается модель предложения в процессе актуализации. В частности, опущение в предложении тех или иных его членов приводит к тому, что модальная частица может сделаться обязательной для функционирования эллиптической конструкции в качестве полноценного высказывания [19].

Нулевая ступень актуализации является признаком исходного порядка слов; ненулевая ступень, в случае ее обязательности, свидетельствует о той или иной речевой «деформации» модели: неполной реализации (эллипсисе), производном порядке слов. Таким образом можно установить, что, к примеру, исходным порядком слов в конструкциях с переходным глаголом в качестве ядра является «Подлежащее — Глагол — Дополнение». Последовательность «Глагол — Подлежащее» является исходной для конструкций с бытийными глаголами (hết⁵ tiền² «Кончились деньги»), поскольку инверсия зависимого подлежащего (tiền² hết⁵ «Деньги кончились») обусловлена его детерминированностью. В связочных конструкциях последовательность tôi¹ là² sinh¹ viên¹ «Я студент» является исходной по отношению к последовательности sinh¹ viên¹ ây⁵ chính⁵ là² tôi¹ «Тот студент — это я и есть».

В связи с вопросом об актуализации представляется целесообразным специально рассмотреть омонимию предикативных и атрибутивных конструкций, наиболее типичная разновидность которых представляет собою сочетание существительного и предикатива (SV): chim¹ bay¹ «1) птицы летают, 2) летящие птицы»; nhà² cao¹ «1) высокий дом, 2) дом — высокий». Только словосочетания, в которых на месте существительного стоит личное местоимение, однозначно интерпретируются в качестве предикативных, поскольку местоимения не могут иметь определений. В остальных случаях омонимия предикативных и атрибутивных сочетаний снимается только на уровне высказывания.

На нулевой ступени актуализации структура SV может быть реализована как предикативное сочетание лишь тогда, когда она фактически является конструктивной базой предложений, передающих значение «класс предметов — его типичный признак»: chim¹ bay¹ «Птицы летают» (т. е. птицам свойственно летать); chó⁵ sua⁴ «Собаки лают» [24, с. 67]. Поскольку такие действия как, скажем, «идти» или «сидеть», нельзя рассматривать как типичный признак человека, нижеприводимые словосочетания вне контекста будут скорее всего восприняты как атрибутивные: ngu'o'i² đi¹ «идущий человек», ngu'o'i² ngồi² «сидящий человек»; ср.: sinh¹ viên¹ học⁶ «Студенты учатся».

Во всех остальных случаях структуры SV реализуются в качестве предикативных на ненулевой ступени актуализации. Если при этом в высказывании отсутствуют актуализаторы, то имеет место устанавливаемая контекстом детерминированность существительного или финитность предикатива, так что зависимость подобных высказываний от контекста весьма велика. Они функционируют как зависимые высказывания, существующие в тесной связи с другими высказываниями; ср. [7, с. 128; 18]. Вот начало одной журнальной заметки:

— Chi⁶ va² chau⁵ ngô² xuông⁵ đây¹.

— Cam⁴ o'n¹ anh¹.

Xe¹ shât⁶. Tro'i² nong⁶. Ngu'o'i² me⁶ tre⁴ vo'i⁵ đu'a⁵ con¹ ba¹, bốn⁵ thang⁵ trên¹ tay¹ vãn³ co⁵ đu'o'c⁶ mô⁶ chớ⁶ ngô² trên¹ xe¹, mắ⁶ đầu² lên¹ xe¹ chẳ⁶ ho'n¹ nhu'ng³ ngu'o'i² khác⁵ («Tiền phong»).

«— С ребенком, садитесь.

— Спасибо.

Автобус набит. Погода жаркая. Но молодой женщине с трех-четырёхме-

сячным ребенком на руках все-таки нашлось место, хотя она и вошла позже других».

Следует, однако, подчеркнуть, что сама по себе ненулевая ступень актуализации структуры SV, в частности детерминированность существительного, еще не обеспечивает однозначной интерпретации сочетания в качестве предикативного, как это иногда полагают [24, с. 67]. Дело не в детерминированности существительного как таковой, а в том, что можно было бы назвать коммуникативной интерпретацией отношения «предмет — признак», грамматическим выражением чего является граница группы существительного, проходящая либо после сочетания в целом, либо внутри его. Сравним: $pha^2\ sao^1\ nau^2$ «этот высокий дом» (выделение предмета из ряда однородных по некоторому признаку — $pha^2\ nao^2$? «какой дом?»); $pha^2\ nau^2\ sao^1$ «этот дом — высокий» (приписывание признака некоторому предмету — $pha^2\ nhu^{11}\ thə^5\ nao^2$? «каков дом?»). Таким образом, распространенная точка зрения, согласно которой определение и сказуемое семантически идентичны, справедлива лишь в той мере, в какой речь идет о денотативной семантике. Оба эти функциональных элемента обозначают признак, но их коммуникативная семантика различна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 37.
2. Бурлакова В. В. Подчинительные группы субстантивного состава в современном английском языке. — В кн.: Исследования структуры английского языка. Ижевск, 1978, с. 4.
3. Валимова Г. В. О предложении и других структурах коммуникативного синтаксиса. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докладов. Л., 1971, с. 6.
4. Вейцман Г. А. Признаки неполноты предложения в современном английском языке. — ФН, 1962, № 4, с. 92.
5. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке. — ВЯ, 1979, № 6.
6. Грель М. К сущности типов предложений в славянских языках. — ВЯ, 1967, № 5, с. 60.
7. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи. М. — Л., 1952.
8. Жирмунский В. М. О границах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. — Л., 1963, с. 24.
9. Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6, с. 94.
10. Золотова Г. А. К типологии простого предложения. — ВЯ, 1978, № 3.
11. Золотова Г. А. О «Синтаксическом словаре русского языка». — ВЯ, 1980, № 4, с. 72.
12. Кобрин Р. Ю., Авербух К. Я. Еще раз о словосочетании. — ФН, 1979, № 5, с. 87.
13. Мухин А. М. О предложении, синтагме и фразе. (В связи с вопросом об основной синтаксической единице). — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 102.
14. Нгуен Минь Тхьет. Подлежащее во вьетнамском языке. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ЛГУ, 1981.
15. Падучева Е. В. О способах представления синтаксической структуры предложения. — ВЯ, 1984, № 2, с. 101.
16. Панфилов В. С. Актуальное членение предложений во вьетнамском языке. — ВЯ, 1980, № 1.
17. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. М., 1977, с. 186.
18. Румянцев М. К. О зависимых и самостоятельных предложениях в современном китайском языке. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 3—5.
19. Фан Мань Хунг. Модальные частицы во вьетнамском языке. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ЛГУ, 1982, с. 32.
20. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 293—298.
21. Шевцова Н. Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 126.
22. Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 334, 337.
23. Яхонтов С. Е. Принципы выделения членов предложения в китайском языке. — В кн.: Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1971, с. 253.
24. *Diệp Quang Ban*¹. *Tim*² *cach*⁵ *giúp*⁵ *thêm*¹ *cho*¹ *học*⁵ *sinh*¹ *việt*⁵ *đúng*⁵ *câu*¹ *tiếng*⁵ *Việt*⁶. — *Ngôn ngữ*³, 1976, No 4.
25. *Hồ Lê*¹. *Vấn đề*² *câu*⁵ *tao*⁶ *tu*² *của*⁴ *tiếng*⁵ *Việt*⁶ *hiền*⁶ *đại*⁶. *Ha*² *Nôi*⁶, 1976, с. 353.